

В. Несмелов

**Наука о человеке. Том 1.
Опыт психологической
истории и критики**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
В11

В11 **В. Несмелов**
Наука о человеке. Том 1. Опыт психологической истории и критики / В.
Несмелов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 422 с.

ISBN 978-5-458-54404-7

ISBN 978-5-458-54404-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Онъ такъ прямо и заявлялъ объ этомъ, что суетно слово того философа, который не имѣетъ въ виду научить людей добру и удалить ихъ отъ зла. Ясное дѣло, что при такомъ пониманіи философіи, она не могла претендовать на значеніе положительной науки, потому что она не могла давать человѣку никакихъ положительныхъ знаній. Вся задача ея цѣликомъ сводилась къ тому, чтобы разъяснить человѣку его самого, раскрыть смыслъ его жизни и создать живое опредѣленіе его дѣятельности. Въ силу же этой задачи своей, философія естественно вращалась болѣе въ области идеаловъ, чѣмъ въ области фактовъ, и потому скорѣе являлась выразительницей нравственного сознанія, чѣмъ научнаго. Всецѣло поглощенные жгучими вопросами жизни, многіе древніе мыслители совсѣмъ даже и не понимали самоцѣнности научныхъ знаній и, поскольку не находили въ нихъ рѣшенія своихъ собственныхъ вопросовъ, относились къ нимъ болѣе или менѣе отрицательно. Даже и о Сократѣ сохранилось извѣстіе, что онъ съ явнымъ пренебреженіемъ относился къ натурфилософскимъ умозрѣніямъ своихъ предшественниковъ и современниковъ. Но у Сократа былъ еще особый мотивъ для этого пренебреженія. Въ молодости онъ слушалъ многихъ ученыхъ, и они многому научили его, да только совсѣмъ не тому, чего онъ искалъ у нихъ, и совсѣмъ не такъ, чтобы ихъ разсужденія можно было признать не пустою болтовнею, а выраженіемъ дѣйствительныхъ знаній ¹⁾. Поэтому для Сократа было совершенно естественно, что онъ не нашеть въ онтологіи никакого смысла, и по отношенію къ Сократу нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ устранилъ онтологическіе вопросы изъ области человѣческаго вѣдѣнія ²⁾. Ученики же его пошли въ этомъ направленіи значительно дальше своего учителя. Извѣстно, что циническіе философы единственною наукою признавали только этику и безусловно отвергали всякую другую науку, какъ совершенно бесполезную для добродѣтели ³⁾. Извѣстно, что глава кире-

¹⁾ У Платона *Phaedo*, с. 45—48.

²⁾ У Ксенофонта *Memorabilia* lib. 1, с. 1 in oper. ed. Didot, Paris 1853, p. 526—527.

³⁾ *Diogen. Laert. de vitis philosoph. lib. VI, § 104.*

наиковъ Аристиппъ съ такимъ же пренебреженіемъ относился даже къ математикѣ и все на томъ же основаніи, что она не говоритъ человѣку о добромъ и зломъ и, слѣдовательно, не имѣетъ въ виду и не можетъ научить человѣка быть счастливымъ ¹⁾.

Само собою разумѣется, что такое отношеніе къ области научнаго знанія нельзя объяснять одной только умственной ограниченностію древнихъ мыслителей. Дѣло здѣсь вовсе не въ ограниченности, а въ почвѣ, изъ которой возникали умственные интересы, въ точкѣ зрѣнія, подъ которою развивались они, и въ цѣли, которою они регулировались. Философскіе интересы возникали въ запросахъ *жизни* и, въ выработкѣ идеаловъ ея, направлялись къ созданію *человѣка*; между тѣмъ какъ научные интересы рождаются въ запросахъ *мысли* и, путемъ непрерывнаго удовлетворенія возростающей любознательности, направляются къ созданію *ученаго*. Слѣдовательно, ученый не можетъ разсматривать человѣка въ томъ отношеніи, въ какомъ хотѣлъ бы смотрѣть на него философъ, и философъ не имѣлъ никакихъ побужденій разсматривать міръ въ томъ отношеніи, въ какомъ интересуется имъ ученый. Вотъ эта самая невозможность и опредѣляла собою существенное различіе между положительной наукой и философіей, и это именно различіе и выражалось рѣзкими крайностями въ сужденіяхъ Сократа и учениковъ его. Освобожденные отъ крайностей, эти сужденія выражали собою взглядъ не одной только школы Сократа. Ихъ въ значительной мѣрѣ придерживались также и пифагорейцы, и платоніки, и стоики. Правда, всѣ они съ большимъ уваженіемъ относились къ научнымъ занятіямъ, но лишь потому, что они считали эти занятія необходимымъ условіемъ и самаго возникновенія, и развитія философскихъ стремленій. По глубокому соображенію Платона, не одни только мудрые боги не могутъ стремиться къ приобрѣтенію мудрости, потому что вполнѣ обладаютъ ею, но и невѣжды не могутъ заботиться о приобрѣтеніи мудрости, потому что они воображаютъ, будто имѣютъ ее. Слѣдовательно, философами могутъ быть одни только образованные люди, потому что

¹⁾ Aristotel. Metaphys. lib. II, cap. 2.

они только одни способны безкорыстно любить истину, благо и красоту, и стремиться къ опредѣленію этихъ идей и къ развитію человѣческой жизни по ихъ содержанію ¹⁾. Если же наука не развиваетъ въ человѣкѣ такихъ стремлений, то она не имѣетъ никакого значенія, и ученый человѣкъ, при всемъ богатствѣ своихъ познаній, въ сущности стоитъ ни чуть не выше невѣжды ²⁾. Слѣдовательно, истинная цѣль научнаго образованія заключается только въ занятіи философіей, и философія есть единственная наука, которая ведетъ человѣка къ пріобрѣтенію мудрости.

Такимъ образомъ, для древнихъ мыслителей со времени Сократа наука и философія были существенно различны: одна давала человѣку знаніе, другая дѣлала его мудрецомъ. Они понимали, конечно, что человѣкъ можетъ служить предметомъ всесторонняго научнаго изученія, и знали про тѣ попытки, которыя дѣлались въ этомъ направленіи, и даже сами производили такія попытки, и всетаки рѣшеніе загадки о человѣкѣ выносили за предѣлы науки и не отождествляли философію съ антропологіей. Наука, на основаніи всѣхъ своихъ опытовъ, могла приходить только къ установленію положенія: πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπος ³⁾, — философія а ргіогі выходила изъ другого положенія: πάντων χρημάτων μέτρον θεός ⁴⁾, и приходила къ заключенію, что благо человѣка заключается не въ томъ, что есть человѣкъ, а въ томъ, чѣмъ онъ можетъ быть, и дѣйствительная мудрость заключается не въ изученіи человѣческой природы, а въ развитіи ея по идеалу человѣчности. По силѣ этого заключенія, Платонъ опредѣлилъ процессъ философіи, какъ уподобленіе Богу—ὁμοιωσις τῷ θεῷ ⁵⁾, и пифагорейцы указали конечную цѣль человѣческаго развитія въ полномъ посмертномъ обожествленіи ⁶⁾.

Но въ то время, какъ философія обособляла себя и даже иногда прямо чуждалась специальныхъ интересовъ

1) Conviv. t. I, p. 682. Conf. Lys. p. 551.

2) Civitas, t. II, p. 132--135. Conf. Evthyd. c. 17.

3) Основное положеніе въ доктринѣ Протагора.

4) Ученіе Платона, Leges t. II, p. 327.

5) Theaet. I, p. 135.

6) Смотр. заключительныя строфы, такъ называемаго, золотого стиха.

научной мысли, эта мысль сама охватила область философии и внесла въ нее такую значительную путаницу, отъ которой философы не могутъ освободиться даже и по настоящее время. Величайшій выразитель научнаго сознанія, хотѣвшій знать все и ставившій вопросы обо всемъ, отказался отъ сократовскаго пониманія мудрости и терминомъ *sapientia* обозначилъ конечный идеалъ научныхъ стремленій—знаніе послѣднихъ причинъ бытія, а потому и терминъ *philosophia* у него сталъ выражать собою стремленіе къ приобрѣтенію научныхъ знаній, т. е. процессъ развитія науки вообще. По глубокому соображенію Аристотеля, для человѣческаго познанія долженъ существовать только одинъ общій предметъ изслѣдованія, это—все бытіе въ его цѣломъ, а потому должна существовать и одна только общая наука, это—философія, которая имѣетъ своимъ предметомъ именно все бытіе, какъ единое цѣлое¹⁾. Но такъ какъ все бытіе въ его цѣломъ есть *неизвѣстное*, которое только еще подлежитъ изслѣдованію и объясненію, то само собою разумѣется, что единая общая первонаука или философія существуетъ въ дѣйствительности не какъ наука, а лишь какъ идея науки. Когда эта идея будетъ осуществлена въ процессъ дѣйствительнаго изслѣдованія и объясненія бытія, тогда философія и явится въ качествѣ реальной науки, до того же времени необходимо еще узнать невѣдомое содержаніе бытія. Въ этихъ именно видахъ нужно раздѣлить все бытіе на отдѣльныя части и выдѣлить изъ общей первонауки отдѣльныя вѣтви, которыя бы отрѣзали въ свое вѣдѣніе частныя области всеобщаго бытія и такимъ образомъ, осуществляя по частямъ философію, могли бы занять по отношенію къ этой идеальной перво наукѣ положеніе частныхъ, специальныхъ наукъ²⁾. Слѣдовательно, философія на самомъ дѣлѣ существуетъ не сама по себѣ, а только въ своихъ частяхъ, которыя въ отдѣльности, конечно, не составляютъ собою философію, однако въ общей суммѣ являются приближеніемъ къ ней, потому что всѣ онѣ суть ея осуществленія.

Если же это вѣрно, что наука и философія вполнѣ тождественны, то само собою понятно, что каждый ученый

¹⁾ Metaphys. lib. X, с. 3.

²⁾ Ibid. III, 2.

есть вмѣстѣ съ тѣмъ и философъ. Аристотель такъ именно и думать объ этомъ. Для него всякое стремленіе къ знанію было выраженіемъ философіи, и потому онъ считалъ философами и математиковъ, и физиковъ, и астрономовъ, и психологовъ, и логистовъ, и богослововъ, и даже поэтовъ, насколько они пытались осмыслить явленія бытія ¹⁾. Правда, Аристотель несомнѣнно отдавалъ преимущество такимъ мыслителямъ, которые занимались не спеціальными вопросами въ какой нибудь частной области бытія, а общими вопросами въ цѣльной области его, но этимъ преимуществомъ нисколько не разрушалось тождество науки и философіи, и философія нисколько не получала значенія спеціальной науки. Напротивъ, она именно только и являлась осуществленіемъ идеи науки, наукой вообще, потому что она имѣла въ виду познаніе общихъ началъ бытія. По характеру своихъ вопросовъ она предшествовала всѣмъ частнымъ наукамъ и являлась поэтому первой философіей—*πρώτη φιλοσοφία*, съ рѣшеніемъ же этихъ вопросовъ она выступала лишь послѣ положительныхъ наукъ—*μετὰ τὰ φυσικά*.

Такимъ образомъ, въ исторіи развитія древне-греческой мысли ясно опредѣлились два разныхъ типа философіи. Одна философія вполне совпадала съ наукой и помимо науки не существовала, другая существовала рядомъ съ наукой и совершенно независимо отъ нея. Въ исторіи философіи, обыкновенно, принимается въ расчетъ только философія перваго типа, потому что этотъ типъ оказался потомъ господствующимъ. Но это господство досталось ему далеко не сразу. Оно явилось лишь въ средніе вѣка и лишь въ силу рѣшительнаго отсутствія научныхъ знаній и рѣшительнаго непониманія философскихъ стремленій. Въ древнемъ же мірѣ могущественное вліяніе Аристотеля было въ состояніи только заставить послѣдующихъ мыслителей читать на наукѣ налѣпленный имъ ярлыкъ философіи, но не считать науку за единственную философію. Отсюда именно и явилась первая путаница въ понятіи о философіи, потому что однимъ и тѣмъ же именемъ приходилось обозначать двѣ совершенно различныя области

¹⁾ Phys. I, 9; II, 2. Metaphys. I, 3—6; III, 3; V, 1; VI, 11; X, 4, 7.

мысли. Философами одновременно считались, напр., и перипатетики и циники, тогда какъ первые были по преимуществу учеными, и нѣкоторые изъ нихъ—даже узкими специалистами, вторые же говорили и хотѣли говорить только о добродѣтельной жизни—*περί τοῦ κατ' ἀρετὴν ζῆν*—и всякую науку считали за бесполезную прихоть праздного любопытства. Ясное дѣло, что между тѣми и другими было не простое разногласіе въ рѣшеніи однихъ и тѣхъ же или, по крайней мѣрѣ, однородныхъ вопросовъ, а коренное разномысліе въ самомъ пониманіи философіи. У нихъ были совершенно различные идеалы мудрости, они жили разными интересами и стремились къ различнымъ цѣлямъ, и общаго между ними рѣшительно ничего не было, кромѣ наименованія философа. Слѣдовательно, это наименованіе въ школѣ Аристотеля потеряло свой опредѣленный смыслъ и само по себѣ ничего и нисколько не могло говорить о предметѣ занятій философа. Но эта видимая неопредѣленность въ пониманіи философіи легко можетъ запутывать только насъ теперь, древніе же мыслители сократическаго направленія здѣсь нисколько не путались; потому что они строго разграничивали науку и философію даже и послѣ того, какъ аристотелевское пониманіе мудрости одержало верхъ надъ сократовскимъ. Когда въ школахъ сократическаго направленія такъ же, какъ и въ школахъ Аристотеля, мудрость (*σοφία*) стала опредѣляться въ смыслѣ знанія, то любовь къ мудрости (*φιλοσοφία*) всетаки не считалась любовью къ знанію, а сохранила свое особое значеніе въ совершенномъ согласіи съ тѣмъ пониманіемъ мудрости, какое было выработано въ философіи Сократа ¹⁾. Извѣстно, напр., что стоическіе мыслители опредѣляли мудрость, какъ знаніе о вещахъ божескихъ и человѣческихъ, т. е., какъ знаніе о мірѣ и человѣкѣ, любовь же къ мудрости они понимали въ смыслѣ самоусовершенствованія, т. е., совершенно по-сократовски ²⁾. Слѣдовательно, мудрость они связывали съ

¹⁾ По опредѣленію Сократа, *τὴν πᾶσαν ἀρετὴν σοφίαν εἶναι*. Xenoph. memorab. lib. III, с. 9.

²⁾ По сообщенію Плутарха de placit. philosoph. lib. I, с. 1. стоики полагали, *τὴν μὲν σοφίαν εἶναι θεῶν τε καὶ ἐνθρώπων ἐπιστήμην. τὴν δὲ φιλοσοφίαν ἀσκήσιν τέχνης ἐπιτηδείον*.

наукой, а любовь къ мудрости—съ жизнію, и потому на самомъ дѣлѣ они признавали, очевидно, два разныхъ идеала мудреца: одинъ всецѣло покрывался у нихъ понятіемъ челоѣка *ученаго*, другой—понятіемъ челоѣка *совершеннаго*, и только этотъ второй идеалъ былъ идеаломъ философа ¹⁾).

Философъ и ученый древняго міра очень рѣдко жили между собою въ добромъ согласіи. Чаше всего они находились во враждѣ другъ съ другомъ, потому что одинаково не хотѣли и не умѣли понять и оцѣнить другъ друга. Въ школѣ Аристотеля, именно въ силу отождествленія науки и философіи, совершенно естественно создалось такое же отношеніе къ вопросамъ жизни, какое сократическіе мыслители выражали къ вопросамъ знанія. Ученики Аристотеля, слѣдуя примѣру своего знаменитаго учителя, стремились къ знанію ради самаго знанія и ставили его интересы гораздо выше интересовъ жизни. Эти послѣдніе интересы не только игнорировались ими, но часто и совсѣмъ разрушались во имя интересовъ науки. Извѣстно, напр., что перипатетикъ Стратонъ въ объясненіи явленій міра не хотѣлъ вводить никакихъ неизвѣстныхъ величинъ и пришелъ къ атеизму. Извѣстно также, что перипатетикъ Дицзархъ въ объясненіи явленій жизни не хотѣлъ допускать никакихъ исключеній и пришелъ къ матеріализму ²⁾). Эти мыслители хотѣли жить для того, чтобы знать, тогда какъ противники ихъ хотѣли жить и знать для того, чтобы жить. Поэтому, одни полагали, что философія есть процессъ мысли, опредѣленный въ качествѣ верховной цѣли его достиженіемъ знанія; другіе же думали, что философія есть процессъ жизни, опредѣленный въ качествѣ верховной цѣли его достиженіемъ мудрости. Одни естественно стремились объяснить міръ и лишь въ немъ челоѣка, какъ одно изъ явленій міра; другіе же, напротивъ, прежде всего стремились опредѣлить конечную истину самого челоѣка и лишь въ этой истинѣ міръ, какъ средство къ развитію

¹⁾ По опредѣленію стоика Мусонія, философія есть не иное что, какъ только дѣятельное стремленіе челоѣка къ достиженію совершенства въ жизни—*φιλοσοφία καλοκαγαθίας ἐστὶν ἐπιτηδευσις καὶ οὐδὲν ἕτερον*.

²⁾ N Цицерона de natura deorum I, 13, Tuscul. quaest. I, 10, conf. V, 9, Acad. poster. I, 9.

человѣческой жизни и дѣятельности. Слѣдовательно, одни создавали знаніе, другіе творили человѣчную жизнь. И если смотрѣть съ точки зрѣнія знанія, то Сократъ былъ, конечно, только малымъ ребенкомъ по сравненію съ нашими гимназистами, но онъ же былъ и гигантъ—мудрецъ по сравненію съ нашими учеными великанами.

Философія древняго міра имѣла своею задачей познаніе и осуществленіе въ жизни людей идеальной истины самаго человѣка. Что такое человѣкъ по своей природѣ, и на что онъ имѣетъ право надѣяться, и чего онъ долженъ желать, и какъ ему слѣдуетъ жить, чтобы раскрыть въ своей жизни свою человѣчность?—Это именно и были тѣ самые вопросы, въ истинномъ рѣшеніи которыхъ полагалась истинная мудрость. Эти самые вопросы и дѣйствительно дѣлають каждаго человѣка философомъ. Разумѣется, не всякій человѣкъ способенъ глубоко задумываться надъ этими вопросами, но практически всетаки рѣшаетъ ихъ каждый человѣкъ, и каждый признаетъ свои рѣшенія полнымъ вѣрнымъ и цѣннымъ для себя, а потому и направляетъ свою жизнь по содержанію принятыхъ рѣшеній. Греческій софистъ, напр., вполне искренно могъ размышлять о себѣ, что онъ не иное что, какъ только софистъ—ученый, а потому онъ и долженъ заботиться о передачѣ своей науки возможно большому количеству людей и имѣетъ несомнѣнное право надѣяться на приличную оплату своего нелегкаго труда. Если только допустить, что и всякій грекъ размышлялъ подобнымъ же образомъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что извѣстный чудакъ философъ днемъ съ огнемъ искалъ тамъ *человѣка* и всетаки не нашелъ его. Онъ видѣлъ только мужчинъ и женщинъ, господъ и рабовъ, жрецовъ, чиновниковъ и воиновъ, ученыхъ, ораторовъ и художниковъ; онъ видѣлъ, что вся эта громадная масса человѣкообразныхъ существъ дѣятельно живетъ опредѣленными вѣрованіями, желаніями и надеждами, но опредѣленными не сознаніемъ человѣчности, а сознаніемъ своего внѣшняго положенія въ природѣ и въ обществѣ людей; онъ видѣлъ, что предносившійся его воображенію истинный міръ человѣческой жизни на самомъ дѣлѣ существуетъ только подъ формою кукольнаго театра, и люди въ немъ—не люди, а какіе-то жалкіе исполнители кукольныхъ ролей;

онъ видѣлъ все это, и вотъ горькій смѣхъ его даже и теперь еще слышится чуткому уху философа.

Что же также *человѣкъ*? Положительная наука, на основаніи всѣхъ своихъ опытовъ и экспериментовъ, не можетъ рѣшать этой великой загадки философіи. Она можетъ говорить только о костяхъ и жилахъ, о мускулахъ и нервахъ, т. е., въ направленіи философскаго вопроса она можетъ разсматривать человѣка лишь въ качествѣ добычи для могильныхъ червей. Вѣдь теперь ужъ такъ и дѣло поставлено, что даже сама психологія, въ предѣлахъ естественно-научнаго метода, не считаетъ себя вправѣ говорить человѣку о духѣ; потому что никому изъ ученыхъ пока еще не удалось подцѣпить душу на остріе ножа и посадить ее въ реторту химика. Слѣдовательно, жгучіе вопросы о томъ, чего слѣдуетъ желать человѣку *во имя его человечности*, и какъ ему слѣдуетъ жить *по истинѣ его человечности*, въ предѣлахъ положительной науки не могутъ даже и ставиться; потому что въ этихъ предѣлахъ вѣдома одна только животность, говорить же о человѣчности, по всѣмъ даннымъ современной науки, серьезнымъ людямъ не полагается. И всетаки серьезные люди всегда говорили о конечныхъ вопросахъ мысли и жизни, ставили и рѣшали эти вопросы и дѣятельно создавали *философію, какъ специальную науку о человѣкѣ*.

Опытъ введенія въ эту науку мы и предлагаемъ на послѣдующихъ страницахъ. Въ этомъ введеніи мы попытаемся опредѣлить и выяснить какъ реальныя условія образованія, такъ и объективно-міровое значеніе той несомнѣнно великой загадки, какую всѣми фактами своей жизни непрерывно задаетъ себѣ человѣкъ о себѣ же самомъ.

I. СОЗНАНИЕ И МЫСЛЬ.

1. Сознание, какъ универсальная форма выраженія духа.
2. Сознание, какъ творческій процессъ формации психическихъ явленій.
3. Мысль, какъ процессъ связи датъ сознанія.
4. Мысль, какъ процессъ формации психической дѣйствительности.

1. Всякое психическое явленіе можетъ существовать только подъ формою сознанія, и весь міръ психической дѣйствительности есть только міръ сознанія. Правда, въ психологической наукѣ издавна существуетъ очень распространенное мнѣніе, будто рядомъ съ явленіями сознанія развиваются еще и безсознательныя психическія явленія, и слѣдовательно—цѣльная область психическаго необходимо должна быть шире спеціальной области сознательнаго. Но это мнѣніе представляетъ собою продуктъ чистаго недоразумѣнія. Оно именно возникло и существуетъ, какъ необходимое научное предположеніе, посредствомъ котораго болѣе или менѣе удовлетворительно могутъ объясняться съ одной стороны явленія сознанія и съ другой—самый процессъ его. Между тѣмъ удовлетворительность эта чисто призрачная, потому что на самомъ дѣлѣ раздѣленіе психической дѣйствительности на двѣ разныхъ области необходимо приводило и будетъ приводить только къ очень грубымъ наивностямъ. Въ предѣлахъ метафизической психологіи, напр., всѣ психологи-безсознательники вынуждаются представлять себѣ душу подъ формою темнаго чулана или погреба, на порогѣ котораго помѣщается лампа сознанія. Огонь этой лампы прекрасно освѣщаетъ все, что спускается въ погребъ или вытаскивается изъ него, и оставляетъ въ совершенномъ мракѣ все, что находится внутри